

связи с панидеологическими приоритетами его эпохи и, как следствие, определение им Толстого как художника монологического см. подробно: Кирсанов Н.О. Мифологические основы поэтики Л.Н. Толстого / Автореф. дис. Томск, 1998. С.1–18.

10. Руднев В. Поэтика «деформированного слова» в романах Толстого // «Даугава». 1990. № 12.

11. Заманская В. Указ. соч. С.159.

12. Бубер М. Два образа веры. М. 1995. С.37

13. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. М. 1995. С.74.

14. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собр. соч. в 9-ти тт. Т 9. М., 1967. С.143

15. Современный философский словарь. Екб. 1996.

16. Подорога В. Указ. соч. С.12.

17. Цит. по: Подорога В. Феноменология тела. М. 1995. С.125–140.

18. Подорога В. Указ. соч. С.42.

19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979. С.44.

20. Подорога В. Указ. соч. С.58.

21. Лучше всех об этом сказал Б.Л. Пастернак: «Толстой принес в мир новый род одухотворения в восприятии мира и жизнедеятельности, чем шагнул вперед в развитии христианства, что стало и по сей день осталось основой моего существования, всей манеры моей жить и видеть, и, вопреки всем видимостям, историческая атмосфера I п. XX века во всем мире – атмосфера толстовская» («Чудо поэтического воплощения» (письма Б. Пастернака) // «Вопросы литературы». 1972. № 9. С.168)

© Е.В. Хрипунова
Волгоград

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО ПРОЗЫ К. ЛЕОНТЬЕВА

Творчество К.Н. Леонтьева, одного из самых талантливых и оригинальных русских писателей XIX века, представляет собой единственное в своем роде явление. Уникальность эта заключается в том, что практически во всех своих произведениях – и в романах «русского периода», и в восточных повестях – К. Леонтьев рассказывает о себе самом. Эту характерную для леонтьевских произведений черту отмечал еще В.В. Розанов.

Мнение В.В. Розанова разделяет и Ю.П. Иваск, один из ведущих современных исследователей творчества К. Леонтьева. В своей монографии Иваск пишет: «Всю жизнь Леонтьев говорил преимущественно о себе, он супергерой собственных писаний, всей своей поэмы жизни. При этом он постоянно твердил, что жизнь реальнее литературы. Все же мы узнаем о нем только из книг, написанных им или о нем» (1) В книге Ю.П. Иваска сведены воедино и систематизированы биографи-

244

ческие сведения, разбросанные в сочинениях, записках, письмах, воспоминаниях писателя, рассмотрены его взаимоотношения с современниками, и не просто исследованы мировоззрение и творчество писателя, а воссоздана «поэма его жизни». Проведенный исследователем анализ беллетристики К. Леонтьева, причем в сопоставительном аспекте с биографическими материалами, позволил Ю.П. Иваску прийти к выводу, что по романам К. Леонтьева «можно воссоздать жизнь того монументального, единственного героя или супергероя, который, несомненно, очень похож на настоящего Леонтьева и все же является лицом отчасти вымышленным» (2).

Художественный мир произведений К. Леонтьева, при всей кажущейся разнородности его повестей и романов, является не хаосом, а четко организованным Космосом, где все взаимосвязано, подчинено, по словам писателя, «деспотизму внутренней идеи». Выразителем этой идеи и является супергерой, «кочующий» из произведения в произведение. Силой своего притяжения он объединяет обширное и разножанровое творческое наследие писателя в строго организованный Космос с четкой системой координат.

При рассмотрении первого, так называемого «русского периода» (1854–1867 гг.) мы находим супергероя в одной из первых повестей «Благодарность», изданной в 1854 г. Он представлен второстепенным персонажем – молодым богатым дворянином-недорослем Полем – добрым, бойким и тщеславным мальчиком-нарциссом. Супергерой обозначен только эскизно, немногими, но яркими мазками. В романе «Подметки» мы видим, что супергерой в драстает в поэтического Володю Ладнева, сохранившего нарциссизм, добродушие, тщеславие Поля. Но теперь это не бледный, едва намеченный эскиз, а полный психологический портрет, в котором безудержный эстетизм и жажда наслаждений причудливо уживаются с горячей религиозностью и жаждой деятельного добра.

Более четкие литературные параллели прослеживаются в двух других произведениях «русского периода» – повести «Лето на хуторе» («Отечественные записки», 1855) и в романе «В своем краю» (1864). Эти произведения интересны еще и тем, что в них супергерой как бы «раздваивается»: один персонаж является носителем нравственного начала, другому отводится роль эстета.

В повести «Лето на хуторе» носителем нравственного начала является молодой учитель Васильков, приехавший в деревню на время каникул. Здесь он встречает миловидную крестьянскую девушку Машу, прожившую несколько лет в Москве, развитую простолудинку, в которую и влюбляется. Молодой помещик Непреклонный (вторая ипостась, супергероя) – молодой красавец байронического типа с каштановыми кудрями до плеч, пытается соблазнить Машу, а заодно и рассорить ее с Васильковым. Но ни в том, ни в другом не преуспевает. Маша отвергает Непреклонного, и Васильков, убедившись в ее нравственности, женится на ней.

Образ Непреклонного в повести только намечен несколькими штрихами. Образ же Василькова выписан автором более тщательно. В отличие от решительного, предприимчивого Непреклонного, Васильков предстает перед нами тихим, мечтательным, склонным к уединению молодым человеком. Он, например, записывает в своем дневнике: «...мне кажется, что наука жизни состоит в том, чтобы быть полезну по мере дарований и уметь быть счастливу для самого себя. Я тщательно исполняю свой долг, живу скромно, и в тихой беседе с древними себе в отраду» (3).

В романе «В своем краю», появившемся почти через 10 лет после данной повести, мы встречаем те же лица и тот же сюжет. Правда, в отличие от «Лета на хуторе», выдержанного в нежных, акварельных тонах, «В своем краю» написано совсем в другом роде. Это один из самых «пестрых» и «густонаселенных» романов К. Леонтьева, превосходящий другие произведения писателя по обилию деталей и подробностей, по тщательности отделки этих деталей. Как и в повести «Лето на хуторе», в романе «В своем краю» происходит «раздвоение» супергероя. Нравственную его ипостась представляет молодой доктор Руднев. Сам Леонтьев говорит об этом персонаже в своих воспоминаниях так: «...все солидное, почтенное, серьезное, что во мне было, я вручил Рудневу. Я отдал Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку в занятиях мою жажду знания ...» (4).

Следует заметить, что Руднев очень напоминает Василькова: молодой доктор так же замкнут, нерешителен, поэтичен и тоже «находит отраду в беседе с древними». Правда, Горацию и Гомеру Василькова он предпочитает монахов-аскетов древних патериков и мечтает осуществлять на деле христианский идеал помощи ближнему в своей врачебной практике, что ему и удастся.

Выразителем и проводником идеи абсолютного эстетизма в романе является вторая ипостась супергероя – студент Милькеев. Он напоминает Непреклонного: те же решительность, предприимчивость, красота и смелость. Налицо даже каштановые кудри до плеч. И налицо то, чего еще не было в повести – пламенная проповедь прекрасного: «...нравственность есть только уголок прекрасного, одна из полос его. главный аршин – прекрасное. Иначе куда же деть Алкивиада, тигра и т.д.» (5).

Милькеев, по его собственным словам, представляет «идею разврата, доведенного до косвенной пользы» (6). Он пытается для развлечений соблазнить Любашу, розовошекую дочь соседнего помещика, в которую влюблен Руднев. Но Любаша отвергает Милькеева и выходит замуж за молодого доктора.

Таким образом, мы можем утверждать, что повесть «Лето на хуторе» представляет собой как бы эскизный набросок к роману «В своем

краю» Их разделяет почти 10 лет, и роман, выдержанный в стиле реализма 1860-х годов, с яркими, «махровыми» типами и характерами, сильно отличается от идиллической пасторальной повести с ее нежными тонами и слегка намеченными характерами. Но сюжет и главные герои перенесены из повести в роман почти без изменений. Как в повести, так и в романе мы встречаем тему борьбы добра и красоты Эта антитеза присутствует не только в рассмотренных выше произведениях. Она является основной в творчестве К. Леонтьева, красной нитью проходит через всю его прозу, носителем ее является супергерой – объединяющий стержень беллетристики писателя.

Примечания

1. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // Pro et contra. Антология. СПб, 1995. С.229.
2. Там же. С.259.
3. Леонтьев К. Лето на хуторе // Отечественные записки. СПб. 1855. Т. 6. С.35–36.
4. Леонтьев К. Собр. соч. в 9 т. М. 1912–1913. Т.9. С. 80
5. Там же.Т.1. С.282.
6. Там же. Т 1. С.470.

© Л.М. Шайхинурова
Екатеринбург

КОМИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»)

Роман «Приваловские миллионы» буквально «пронизан» комическим в самых разных его проявлениях: от мягкого, добродушного юмора до едкой иронии и сарказма. Все это обилие форм комического и стало предметом данного исследования. Отправной точкой наших размышлений явилось следующее гипотетическое утверждение: комическое в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка (в конкретном случае – в «Приваловских миллионах») глубоко национально по своей природе, своими корнями уходит в русскую письменную (литература) и устную (фольклор) культуру слова, в саму ментальность русского человека (и в особенности «уральского»).

Обнаружив в тексте романа богатейший материал по обозначенной проблеме, мы приступили к анализу, пытаясь работать индуктивно. Последовательно описывая все встретившиеся приемы комического, опирались на классификации, предложенные В.Я. Проппом [4], А.З. Вулисом [2], В.З. Санниковым [5]. Однако на этом этапе анализа мы столкнулись с проблемой: изолированный, взятый вне контекста (внутреннего монолога, диалога, сцены, авторского отступления и т.д.) при-